

МНОГОЗНАЧНАЯ БИСЕСУАЛЬНОСТЬ И ПРАГМАТИКА СЕСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Полина Кислицына

*Полина Кислицына, независимая исследовательница, Россия.
pkislitsyna@eu.spb.ru.*

В статье рассматриваются значения, которыми наделяется бисесуальность извне (теми, кто не идентифицирует себя как бисесуального человека в текущий момент) и изнутри (теми, для кого это актуальная идентичность). Исследование выполнено на материале биографических интервью и письменных автобиографий, собранных у негетеросесуальных людей: гомосесуальных, бисесуальных и тех, кто избегает каких-либо сесуальных идентичностей. Бисесуальность оказывается полисемичной категорией с пронцаемыми, гибкими, трудноуловимыми границами. Из-за ее нестабильности некоторые отказываются рассматривать ее как «настоящую», устойчивую форму сесуальности или сесуальной самоидентификации. Другие видят в ней только переходное, временное состояние, промежуточное положение между гомосесуальностью и гетеросесуальностью или предрасположение сесуального развития. Особое значение в контексте бисесуального самоопределения имеет темпоральность: видение собственного прошлого, настоящего и будущего оказывается плотно вплетенным в процесс самоидентификации. Бисесуальная идентичность может быть нестабильной, сочетаться с другими идентичностями, а иногда заменяться ими внутри одного нарратива. Статья, пытаясь охватить разнообразие смыслов, сопряженных с бисесуальностью, ставит также более широкий вопрос о прагматике сесуальной идентичности вообще: зачем негетеросесуальные люди (не) выбирают ту или иную сесуальную идентичность? какие социальные процессы стоят за сесуальной самоидентификацией или отказом от нее? Кроме того, в статье предлагается обзор истории изучения бисесуальности, а также систематизируются существующие в академической литературе теоретические концепции бисесуальности.

Ключевые слова: бисесуальность; гомосесуальность; сесуальная идентичность; гендер; сесуальность; биографические нарративы; биографический метод; дискурсивные стратегии

В 1975 году американский режиссер Вуди Аллен, известный своей иронией и афористичностью, высказался о бисексуальности так: «Она немедленно удваивает ваши шансы на свидание в субботний вечер»¹. Эта фраза широко разошлась, и сейчас ее часто можно встретить в различных сборниках цитат, ее распространяют в соцсетях интернет-пользователи, она используется как аргумент или оспаривается в дискуссиях о (би)сексуальности. На мой взгляд, цитата Аллена отлично иллюстрирует обыденное представление о бисексуальности как способности испытывать влечение и к мужчинам, и к женщинам, расширяющей круг потенциальных партнеров. Это удобная стартовая позиция, из которой можно задать несколько проблемных вопросов. Действительно ли тот или та, у кого в одну субботу было свидание с мужчиной, а в другую – с женщиной, является для себя и для других бисексуальным человеком? И наоборот: обязательно ли те, кто называет себя бисексуальным, ходят на свидания и с мужчинами, и с женщинами?

В этой статье я решаю следующую исследовательскую задачу: на российском материале я рассматриваю, какими многообразными значениями наделяется бисексуальность в биографических нарративах с учетом разных контекстов и используемых дискурсивных стратегий, а также выявляю прагматику сексуальной идентичности как таковой, стремясь ответить на вопрос, почему и как мои информанты выбирают ту или иную идентичность. Поскольку на русском языке и на российском материале социальные исследования, которые фокусировались бы именно на бисексуальности, практически не публиковались, я также ставлю перед собой задачу сделать исторический обзор исследований бисексуальности и представить основные теоретические концепции бисексуальности. Данное антропологическое исследование выполнено в конструктивистском подходе как к гендеру и сексуальности (Butler 1999), так и к биографическому нарративу (Бурдые [1986] 2002; Рождественская 2012; Калугин 2015). Теоретической рамкой исследования стала квир-эпистемология в том виде, в каком этот подход разрабатывают Ив Кософски Сэдживик и Клэр Хеммингс (Hemmings 2002): я рассматриваю бисексуальность как изменчивый способ категоризации, а не как сущностное понятие, обла-

---

¹ Впервые эта фраза появилась в газете «New York Times» в 1975 году по случаю сорокалетия режиссера (Gussow 1975:66). В оригинале она выглядит следующим образом: «On bisexuality: It immediately doubles your chances for date on Saturday night». Однако существуют вернакулярные версии этого афоризма в русскоязычном и англоязычном интернет-пространствах. В одной из них известные слова предваряются уточнением: «Сам я практикующий гетеросексуал, но. . .» (английские версии: «I'm strictly heterosexual, but. . .» или «I am a practicing heterosexual, but. . .»). Это вступление, отсутствующее в оригинале, подчеркивает нормативное сексуальное поведение автора высказывания, отделяет его от предмета обсуждения, привнося экзотизирующие и пренебрежительные коннотации. Другой вариант удалось обнаружить только в англоязычном пространстве, он начинается с замечания: «Не понимаю, почему больше людей не бисексуальны» (в оригинале «I can't understand why more people aren't bisexual»). В этой версии, как и в оригинальной, сексуальная идентичность говорящего остается в стороне, однако можно предположить, что такое «непонимание» делает его если не носителем бисексуальной идентичности, то по крайней мере защитником. Таким образом, варианты афоризма в русском и английском языках оказываются элементами разных дискурсов о сексуальности: нормативного, разграничительного (и в русскоязычном, и в англоязычном пространстве) и эмансипаторного, освободительного (только в англоязычном).

дающее стабильным значением. Методологическим основанием работы стал дискурсивный анализ: я выявляю репертуар дискурсивных стратегий и интерпретаций, актуальный для моих информантов (Здравомыслова и Темкина 2007).

Эта статья представляет один из сюжетов исследования биографических нарративов российских негетеросексуальных людей, выполненного на материале 49 биографических интервью (20 мужских и 29 женских) и 39 письменных автобиографий (22 мужских и 15 женских). Интервью были собраны методом «снежного кома» с января по август 2018 года, письменные автобиографии были получены с помощью организованного вместе с сайтом Colta.ru конкурса, который проходил с июля по август 2018 года. Мои информанты – негетеросексуальные люди. Под этим зонтичным термином, являющимся внешним описанием, я объединяю тех, кто определяет себя как геев, лесбиянок, бисексуальных мужчин и женщин, а также тех, кто никак себя не определяет, но имеет гомосексуальный или бисексуальный опыт, и даже – контринтуитивно – тех, кто называет себя гетеросексуальным в настоящий момент, но в прошлом также имел гомосексуальный или бисексуальный опыт, а в некоторых случаях и опыт гомосексуальной или бисексуальной идентификации. В выборе терминологии я во многом следую Франческе Стелле (Stella 2015). Несмотря на существующую критику использования негативного определения (Browne 2003; Clech 2018), представляется, что выбранный мною термин лучше всего подходит для моего исследования по нескольким причинам. Прежде всего потому, что я избегаю навязывать моим информантам те идентичности и категории описания, которые были бы чужды для них. Это важно для меня как по этическим соображениям, так и из стремления к точности описания и анализа. Термин «негетеросексуальные люди» позволяет мне подчеркнуть фокус исследования на опыте сексуальной инаковости, отсекая нецисгендерные вариации (среди моих информантов не было трансгендерных и гендерно небинарных людей). Понятие «негетеросексуальность» отсылает не к идентичности, поскольку мои информанты не разделяют общую идентичность, а к опыту сексуальной инаковости, которым они все так или иначе обладают². Возраст информантов варьируется от 18 до 64 лет: средний возраст интервьюируемых – 36 лет, средний возраст авторов письменных автобиографий (которые указали его) – 28 лет. На момент исследования мои информанты по большей части имели средний достаток и проживали в Москве и Санкт-Петербурге. Большинство имеют высшее образование.

Подсчитать, сколько среди моих информантов бисексуалов и бисексуалок, невозможно по нескольким причинам. Во-первых, в случае анонимных письменных автобиографий мы знаем об их авторах только то, что они указали в своих текстах, и не более того. Это касается не только их идентичностей, но и других демографических данных: возраста, места рождения и проживания, образования и пр. Во-вторых, встает вопрос, нужно ли тогда учитывать тех, кто считал себя бисексуальным в прошлом, однако на момент исследования такая идентичность уже не актуальна для информанта. В-третьих, говоря о себе как о бисексуальном чело-

---

² Подробнее о выборе термина и о применимости его к моим информантам см. Кислицына 2021.

веке, информанты нередко выражали сомнения и неуверенность, сочетали бисексуальное самоопределение с другими сексуальными идентичностями. Подробнее об этом пойдет речь в аналитической части статьи. В конечном счете для моего анализа не так важно, идентифицируют информанты себя в качестве бисексуалов или нет, гораздо важнее то, в каких контекстах эта категория используется и какими значениями наделяется. Тем не менее есть некоторые особенности моей выборки, которые важно оговорить в контексте рассуждений о бисексуальности. Среди авторов письменных автобиографий нет ни одного мужчины, который назвал бы себя или свой опыт бисексуальным, в то время как в трех женских автобиографиях авторы уверенно позиционируют себя в качестве бисексуалок, и в еще одном тексте, написанном женщиной, бисексуальность также фигурирует как одна из возможных категорий самоописания. В интервью информанты проявляли еще большую гибкость в самоопределении, возможно, еще и потому, что в диалоге с интервьюером идентичности переопределялись, подвергались переоценке. Однако можно сказать с некоторой осторожностью (ведь исследование все-таки носит качественный, а не количественный характер), что женщины, говоря о себе, чаще упоминали категорию бисексуальности, чем мужчины, в особенности если речь идет об уверенной, стабильной самоидентификации. Важно зафиксировать этот гендерный дисбаланс, поскольку он, на мой взгляд, является отражением представлений, с одной стороны, о более гибкой, флюидной сексуальности женщин (Diamond 2008), и – с другой – о большей стигматизированности мужской бисексуальности (Eliason 2000).

Собранные мною в 2018 году нарративы нуждаются в историческом, социальном и политическом контекстуализировании. После либерализации общества и, в частности, сферы сексуальности в 1990-х – начале 2000-х годов исследователи фиксируют нарастание новой волны консервативных гомофобных настроений (Healey 2018; Mole 2019). В официальном дискурсе гомосексуальность начинает изображаться как угроза для русской нации и культуры, экспортируемая с Запада, изобретается риторика в поддержку увеличения рождаемости и спасения детей от непристойных посягательств, формируется концепция «традиционных ценностей» (Healey 2018). К концу 2000-х годов появляется идея законодательного запрета пропаганды «нетрадиционных отношений», которая была реализована сначала на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, а в 2013 году – на федеральном уровне. Введение закона о пропаганде, с одной стороны, усугубило трудное положение российских негетеросексуальных людей: вследствие этого участились случаи физического насилия на почве гомофобии, проявления повседневной ксенофобии, цензуры и самоцензуры в публичном поле (Соболева и Бахметьев 2014; Kondakov and Shtorn 2021). С другой стороны, усиление давления на негетеросексуальных и нецисгендерных людей одновременно с развитием коллективных идентичностей приводит к всплеску ЛГБТ-активизма в России (Buyantueva 2018, 2022). На этом фоне мне и удалось зафиксировать разнообразие значений бисексуальности, о которых пойдет речь в статье.

БИСЕСУАЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Изучение сексуальности уходит корнями в сексопатологию, исследования того, что считалось на тот момент сексуальными расстройствами. Одним из основателей сексологии считается Рихард фон Крафт-Эбинг, который в 1886 году опубликовал свою самую известную книгу «*Psychopathia Sexualis*». В ней влечение одновременно к женщинам и к мужчинам было обозначено как психосексуальный гермафродитизм, своего рода психологический эквивалент физического обладания мужскими и женскими половыми органами (Elia, Eliason, and Veemyn 2018; Garber 1995; Krafft-Ebing [1886] 1904). Хэвлок Эллис, еще один отец сексологии, продолжил развивать теорию психосексуального гермафродитизма (Ellis 1897), постепенно отказавшись от этого термина и заменив его на «бисексуальность», которая, так же как и прежнее понятие, обозначала «сосуществование мужских и женских характеристик в одном теле» (Storr 1999:15). Таким образом, в начале XX века влечение одновременно и к мужчинам, и к женщинам было увязано с одновременным обладанием феминными и маскулинными чертами: предполагалось, что феминная часть человека желала мужчин, а маскулинная – женщин (Elia et al. 2018; Garber 1995). Это видение бисексуальности как «трансторического смешения мужского и женского» нашло отражение и в художественной литературе, например, в романе Вирджинии Вульф «Орландо», протагонист которого пересекает гендерные границы, имеет отношения с женщинами и мужчинами, оставаясь сущностно самим собой (Hemmings 2002:17).

Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд первоначально был согласен с идеями Крафт-Эбинга и Эллиса о бисексуальности, но затем отошел от этих взглядов и сформулировал концепцию бисексуальной predisпозиции: бисексуальность оказывается начальной точкой в развитии человеческой сексуальности, из которой формируется либо гетеросексуальность, либо гомосексуальность (Фрейд [1905] 1989; Кон 2003; Savoia 2010; Storr 1999). В рамках этой концепции бисексуальность оказывается латентным феноменом, транзитным, преходящим, непостоянным явлением (Elia et al. 2018).

В 1938 году Альфред Кинси с группой коллег провел масштабное количественное исследование сексуального поведения человека в США (Kinsey, Pomeroy, and Martin 1948; Kinsey et al. 1953). Исследование показало, насколько велик разрыв между заданной нормой и реальным поведением американцев, и произвело шокирующий эффект (Мюшембле [2005] 2021). В числе прочего оказалось, что среди американцев и американок высока доля людей, имевших тот или иной гомосексуальный опыт. В рамках этого исследования была разработана так называемая шкала Кинси от нуля до шести со следующими значениями:

0 – исключительно гетеросексуальное поведение;

1 – преимущественно гетеросексуальное поведение с единичными случайными проявлениями гомосексуального влечения;

2 – преимущественно гетеросексуальное поведение с редкими, но не случайными проявлениями гомосексуальности;

3 – в равной степени гетеросексуальное и гомосексуальное поведение;

4 – преимущественно гомосексуальное поведение с редкими, но не случайными проявлениями гетеросексуального влечения;

5 – преимущественно гомосексуальное поведение с единичными случайными проявлениями гетеросексуальности;

6 – исключительно гомосексуальное поведение (Kinsey et al. 1948).

Кинси и его коллеги представляли человеческую сексуальность как континуум, где полярными точками были исключительные гомосексуальность и гетеросексуальность, а большая часть человеческого опыта, описанного исследователями, помещалась в пространстве между ними. И хотя Кинси совершил значительный вклад в преодоление дискретного представления о человеческой сексуальности, его работы критикуют за бинарность, поскольку он говорит только о различных соотношениях гомосексуальных и гетеросексуальных практик, отказывая в существовании особому бисексуальному опыту (Elia et al. 2018).

Несмотря на исследовательский прорыв Кинси, до середины 1970-х годов не публиковалось новых работ о бисексуальности (Hemmings 2002). В 1975 году появилась публицистическая статья Маргарет Мид «Бисексуальность: что это такое?» (Mead 1975). Статья вышла в ежемесячном женском журнале «Redbook», в котором Мид вела собственную колонку. Предлагая взглянуть на другие общества и небольшие социальные группы внутри своей, западной, культуры, Мид стремится продемонстрировать, что бисексуальное поведение характерно для многих людей. Однако, как она замечает далее, «фактически мы действительно не осознаем бисексуальность как форму поведения, нормального или ненормального, в нашем обществе» (Mead 1975:29). Даже те, кто признает гомосексуальность, видят ее как исключительный и постоянный индивидуальный выбор, не отличающийся в этом отношении от гетеросексуальности. Завершает свою статью Мид призывом к свободе выбирать те или иные форматы отношений: «В настоящее время в истории нашей Земли нет социальной необходимости принуждать кого-либо к родительству. Мы можем освободить и мужчин, и женщин» (31). Элша Коффман считает, что в написании этой статьи участвовала также Рода Метро, антрополог, соавтор и партнерша Мид: структурные особенности текста напоминают другую статью, которую они писали вместе (Coffman 2021). В основе этой публикации лежали не только антропологические наблюдения Мид, но и ее личный опыт.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов появляются научные публикации, в которых бисексуальность фигурирует уже как отдельная сексуальная ориентация наравне с гомосексуальностью и гетеросексуальностью. Так, А. П. Макдональд определяет бисексуальность как «способность вовлекаться в сексуальную активность с представителями обоих полов и получать удовольствие от этого или осознавать свое желание сделать это» (MacDonald 1981:25). Он призывает других исследователей рассматривать бисексуальных людей как отдельную категорию и не смешивать с гомосексуальными.

Фриц Клейн, которого называют отцом бисексуальной психологии (Hemmings 2002), публикует в 1978 году книгу «Бисексуальный вариант: Концепция стопроцентной близости». Он рассматривает бисексуальность как потенциал для целостной интимности, «наиболее сложное состояние сексуальных отношений между

людьми» (Klein 1978:14), подчеркивает ее открытость к неоднозначности в сравнении с теми ограничениями, которые предполагают гомо- и гетеросексуальность (Rust 1995). В качестве замены шкалы Кинси в книге предлагается более сложная система оценки сексуальности – решетка сексуальной ориентации Клейна. В отличие от шкалы Кинси, где учитывался только имеющийся сексуальный опыт, решетка Клейна учитывает также наличие сексуального влечения, фантазий, эмоциональных и социальных предпочтений, стиль жизни и самоидентификацию. Кроме того, все эти аспекты учитываются в прошлом, настоящем и в идеальном видении будущего. Таким образом, Клейн рассматривает сексуальность как динамичную, непрерывно меняющуюся во времени систему, включающую в себя множество элементов. Он также основал первую группу поддержки для бисексуальных людей в 1974 году, Американский институт бисексуальности в 1998 году и «Журнал бисексуальности» (*Journal of Bisexuality*) в 2000 году.

Начиная с 1980-х годов в США и Великобритании активно развиваются бисексуальные активистские организации, появляются журналы и газеты о бисексуальности, устраиваются академические конференции по этой теме, многие международные организации геев и лесбиянок переименовались, добавив к своему названию упоминание бисексуалов (Hemmings 2002). В России бисексуальные инициативы появились в начале 2010-х годов, и, как пишет Ольга Андреевских, их повестка соответствует глобальным бисексуальным движениям (Andreevskikh 2018). Несмотря на международное распространение бисексуального дискурса, некоторые исследователи поднимают проблему недостаточной изученности бисексуальности, недопредставленности бисексуальных людей в ЛГБТ- и квир-исследованиях (Elia et al. 2018). Клэр Хеммингс, одна из ведущих теоретиков бисексуальности, отмечает, что во многих современных транснациональных исследованиях понятие «бисексуальность» используется для обозначения потенциального, латентного состояния, «нецивилизованной/недоразвитой» сексуальности в сравнении с «цивилизованными» вестернизированными идентичностями, такими как геи или лесбиянки (Hemmings 2007). Иначе говоря, в том, как нерелексивно используется этот термин разными исследователями, может проявляться колониальная оптика. Несмотря на множество работ о бисексуальности, появившихся за последние 50 лет, остаются проблемы с ее концептуализацией и отчетливым пониманием, что же стоит за этим словом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БИСЕКСУАЛЬНОСТИ

Делая обзор различных способов теоретизирования бисексуальности, я подробно разберу работу Хеммингс, поскольку она последовательно и структурированно излагает разнообразные исследовательские подходы к бисексуальности. В то же время стоит сказать, что эта работа издана более 20 лет назад и на нее во многом повлияла полемика с концепцией стабильной идентичности (или политикой идентичности), предполагающей неизменность способов сексуального самоопределения. Бисексуальность, сама по себе предполагающая изменчивость предпочитаемых сценариев, была теоретическим вызовом для исследований тех лет. К

структуре, предложенной Хеммингс, я добавляю исследования последних лет, вплетая в ее рамку современные дискуссии о множественных способах самоидентификации, бисексуальном нарративе и о связи бисексуальности с полиаморией.

Концептуализируя бисексуальность, Хеммингс перечисляет несколько факторов, которые затрудняют попытки разработать ясную концепцию (Hemmings 2002). Прежде всего, это устоявшаяся традиция воспринимать бисексуальность как промежуточное положение (*middle ground*), predisпозицию, некий латентный потенциал. Существует также точка зрения, отрицающая существование какого-либо срединного положения между гомосексуальностью и гетеросексуальностью. В таких представлениях бисексуальность оказывается мифической, невозможной, «как квадратный круг» (Murphy 1997). Другой проблемой становится отсутствие стабильности, непостоянство и непредсказуемость, заложенные в самом понятии бисексуальности, которые зачастую воспринимаются как неблагонадежность, склонность к предательству. Здесь Хеммингс обращается к дерогативному обозначению бисексуальных людей в английском языке – AC/DC³ – и метафоре «двойного потока», она усматривает здесь отголоски первичного значения бисексуальности, гендерного и сексуального гермафродитизма.

Есть и другие, «дополнительные», как их называет Хеммингс (Hemmings 2002:24), сложности с бисексуальной идентичностью. Во-первых, если мы говорим о бисексуальности, пол или гендер партнера (реального или потенциального) не определяет и не отражает сексуальную идентичность так, как это происходит в случае гомо- или гетеросексуальности. Иными словами, бисексуалы могут состоять в гетеросексуальных или гомосексуальных отношениях, что само по себе не равно их самоидентификации. Во-вторых, в гетеронормативной модели маскулинность или феминность должны быть комплементарны выбору сексуального объекта, отсюда стереотипы о том, что лесбиянки должны быть маскулинными, а геи – наоборот, феминными. В этой матрице бисексуалам не находится места: из-за непостоянства в их выборе партнера они не могут стать ясными сексуальными и гендерными субъектами.

В-третьих, существует проблема бисексуальной темпоральности: сексуальная субъектность и формирование идентичности предполагают, что человек не просто делает выбор сексуального объекта однажды, но продолжает делать этот выбор. Получается своего рода временная петля: настоящее подтверждается предсказуемым будущим, будущее в свою очередь заверяется прошлым, а прошлое ретроспективно наделяется значением, соответствующим актуальному настоящему. Хеммингс приводит примеры: лесбиянка, вспоминая о своем гетеросексуальном

---

³ AC/DC, то есть «переменный ток / постоянный ток», – так обозначаются приборы, пропускающие оба вида тока, способные переключаться между ними. Отсюда аналогия с бисексуалами, которые могут переключаться между мужчинами и женщинами. В русском языке используется дерогатив «двустволка», который имеет скорее эротический подтекст: способность вступать в сексуальный контакт и с мужчинами, и с женщинами, сексуальная доступность и для тех, и для других. В большей степени относится к женщинам, часто сопровождается эпитетом «грязная», который усиливает значение распушенности, заложенное в этом оскорблении (Нартова 1999).

опыте в юности, назовет его нежеланным, а гетеросексуальная женщина, говоря об опыте с подругой в подростковом возрасте, обозначит его как юношеское желание поэкспериментировать⁴. В обоих случаях все то, что не соответствует актуальной самоидентификации, рассматривается как ошибка или некоторая заминка в едином нарративе о настоящей идентичности. В случае бисексуальности эта временная петля рухнет: гендер прошлого партнера не подтверждает выбор нынешнего, а будущее оказывается непредсказуемым.

Выход из этого темпорального затруднения может быть в отказе от моногамии и «изобретательном смешении прошлого и настоящего» (Hemmings 2002:26), когда «истинная» бисексуальность подтверждается длящимся одновременным влечением к людям разного пола. Мария Сан Филиппо описывает это как бисексуальную триангулярность: одним из распространенных способов репрезентации бисексуальности в визуальной культуре оказывается любовный треугольник, причем бисексуальные люди воспринимаются как нерешительные и чаще всего впоследствии принуждаются к выбору (San Filippo 2013). Таким образом, бисексуальность снова оказывается промежуточным этапом, временным состоянием. Бисексуальность действительно часто оказывается сопряжена с полиаморией и наличием нескольких партнеров одновременно (Anderlini-D'Onofrio 2004), что, по мнению Хеммингс, приводит к стереотипам, будто все бисексуалы обязательно немоногамны, а также к «отсутствию нарративной завершенности» (Hemmings 2002:27).

Вдобавок бисексуальность с трудом поддается эссенциализации, аргумент «родились такими» (*born this way*) сложно использовать для защиты прав бисексуалов (Hemmings 2002; Murphy 1997). Аннукка Лаhti называет бисексуальность слабой идентичностью и отмечает, что бисексуалы не получают освещения в публичных дебатах, у них нет какого-то единого и лаконичного требования, как, например, требование однополых браков для гомосексуальных людей (Lahti 2019).

Хеммингс (2002) описывает три дискурсивные тактики производства бисексуального субъекта. К ним относится концепция моносексуальности, которая отделяет бисексуалов (тех, кто испытывает желание по отношению к более чем одному полу/гендеру) и моносексуалов (тех, кто испытывает влечение только к одному полу/гендеру, к ним относятся и гомосексуальные, и гетеросексуальные люди). В этом противопоставлении бисексуальность превращается в зонтичное понятие, появляются различные термины, стремящиеся уточнить множественность сексуального влечения: пансексуальность, полисексуальность, плюрисексуальность и прочее, возникают дискуссии о том, какой из этих терминов предпочтительнее и какой из них шире и способен вобрать в себя остальные (Elia et al. 2018; Hayfield and Křížová 2021). Из идеи моносексуальности вырастает понятие моносексизма, системы угнетения, принуждающей иметь отношения с людьми какого-то одного пола/гендера и осуждающей гибкость и непоследовательность в выборе гендера партнера (Hemmings 2002; Highleyman 1995). Понятие бифобии

---

⁴ О том, как российские негетеросексуальные люди подтверждают свою актуальную сексуальную идентичность событиями из прошлого, см. Кислицына 2023а, 2023б.

оказывается близким моносексизму, потому что включает в себя исключение и стигматизацию бисексуальных людей как со стороны гетеронормативного большинства из гомофобных убеждений, так и со стороны гомосексуального сообщества на основании недоверия к ним из-за их гибкости (Eliason 1997).

Однако концепция моносексуальности оказывается проблематичной, как показывает Хеммингс (2002). Она стирает различия между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, помещая их в одну категорию, не признает социальные иерархии пола, гендера и сексуальности, которые влияли и продолжают влиять на формирование сексуальных и гендерных субъектов. Кроме того, эта концепция (как и концепция бифобии) универсализирует различные динамики угнетения, не различая типы насилия, с которыми сталкиваются бисексуалы со стороны гетеросексуального общества и гомосексуальных или квир-сообществ.

Другая описанная Хеммингс тактика производства устойчивой, надежной бисексуальной идентичности – это описание ее как более аутентичной, чем гомосексуальная или гетеросексуальная. В рамках этой тактики подчеркивается, что бисексуалы были стерты из истории, получили неверную репрезентацию, поскольку бисексуальность всегда была репрессирована. Способом восстановить справедливость становится поиск примеров бисексуальности на протяжении всей истории человечества. Так, Сапфо, Оскар Уайльд, Вирджиния Вульф и другие фигуры разными авторами называются бисексуальными (Garber 1995; Klein 1978). Хеммингс считает подобный подход банальным, чрезмерно фокусирующимся на идентичности. Возникает вопрос, кто может судить о том, кого можно считать бисексуальным, а кого – нет. Более того, постоянный поиск исключенных, стертых, по мнению Хеммингс, ведет только к новым исключениям, а потому становится бесконечным и бессмысленным.

Третий и последний способ отделить бисексуальность от других сексуальностей, сформулированный Хеммингс, – это переключение внимания с идентичности на ту или иную бисексуальную эпистемологию. Ключевым становится не вопрос, кто является бисексуальным, а попытка понять, какие смыслы порождает бисексуальность или какими значениями наделяется в разных контекстах. Внутри этого эпистемологического подхода Хеммингс также выделяет три разновидности. Первый рассматривает бисексуальность не просто как идентичность, а как положение, из которого производится теория и политика. В такой перспективе бисексуальность может быть точкой, из которой критикуются структурные проблемы сексуальных идентичностей, в частности бинарности гомо- и гетеросексуальности. Так, бисексуальные теоретики часто критикуют перформативную концепцию Джудит Батлер, поскольку в ней нет места для бисексуальности, а значит, она не подрывает бинарную гетеронормативную матрицу, а воспроизводит ее в том или ином виде (Drousioti 2021; Hemmings 2007). Мария Прамаджоре, опираясь на «Эпистемологию чулана» Ив Сэджвик (Sedgwick 1990), предлагает свою «эпистемологию забора»: следуя этой метафоре, бисексуальные люди словно сидят на заборе между гомосексуальностью и гетеросексуальностью (Pramaggiore 1996). Забор оказывается пространством промежуточности и нерешительности, это внешняя критическая позиция по отношению к бинарной структуре, из кото-

рой становится возможным переосмыслить и переопределять режимы и границы сексуальности, делая их проницаемыми и неисключающими. Однако, как замечает Хеммингс, эпистемология забора все еще делает бисексуальность промежуточным состоянием.

Второй эпистемологический подход помещает бисексуальность во внутреннюю критическую позицию по отношению к другим сексуальностям. В рамках этого подхода бисексуальность оказывается нахлестной, перекрывающейся, «черепичной» категорией (Hemmings 2002:33). Бисексуальная идентификация сложная, многосоставная, иногда противоречивая. Бисексуальный нарратив неотделим от других дискурсов, он «пересечен, даже подорван другими нарративами» (34). Сан Филиппо предлагает понятие «битекстуальность», под которым она подразумевает структуру двойного сюжета, где бисексуальность функционирует диалектически, «обнаруживая непризнанные пространства вне доминирующих конструктов идентичности» и разоблачая «ошибочность любого упорядочивания сексуальности» (San Filippo 2013:41). Такой подход подрывает представление о том, что бисексуальность всегда и везде одинаковая, поскольку каждый раз она вбирает в себя разные элементы из разных дискурсов.

Третий эпистемологический подход предлагает отделить теоретизацию бисексуальности от бисексуальной идентичности и обратиться к тому, какое влияние оказывает бисексуальность на формирование других идентичностей, как она функционирует в различных дискурсах сексуальности и когда и почему исчезает. Так, Пола Раст использует разговоры лесбиянок о бисексуалках как способ понять «политическую и культурную идеологию лесбийства и структуру лесбийского движения» (Rust 1995:2). Через осуждение бисексуальных женщин лесбиянки отмежевывают себя от них, маркируют границы сообщества. Проблема этого подхода, как и всех остальных, подводит итог Хеммингс, в том, что все они метафоризируют бисексуальность, лишая ее собственного, онтологического статуса.

Сама Хеммингс следует за Сэджвик, которая видела основную задачу квир-эпистемологии в том, чтобы «постоянно спрашивать, как определенные категории работают, какие перформансы производят и какие отношения создают, вместо того чтобы спрашивать, что они означают по существу» (Sedgwick 1990:27; курсив в оригинале). Хеммингс подчеркивает перманентную частичность бисексуального опыта, являющуюся признаком «транзитивности и постоянного преобразования» бисексуальной субъектности (Hemmings 2002:42). Бисексуальность постоянно меняется сама и постоянно участвует в формировании других сексуальных и гендерных субъектностей. «Эпистемологически, – пишет Хеммингс, – подчеркнутая неполнота бисексуальности делает видимым процесс, в ходе которого мы все становимся сексуальными и гендерными субъектами» (43). Этот подход продолжаю и я в данной статье, стремясь через полисемичность, гибкость и проницаемость бисексуальной категории показать, как происходит процесс самоидентификации и какой может быть прагматика сексуальной идентичности.

ЗНАЧЕНИЯ БИСЕСУАЛЬНОСТИ

«НЕНАСТОЯЩАЯ» СЕСУАЛЬНОСТЬ

Прежде всего, я хотела бы проиллюстрировать специфику бисесуальности на фоне других негетеросесуальных идентичностей и практик, показать, как теоретические построения Хеммингс, описанные выше, резонируют с оценками и переживаниями моих информантов. Учитывая проблематичность категорий «бифобия» и «моносесизм», я сосредоточусь на недоверии, которое вызывает бисесуальность как подвижная, нестабильная сесуальность. Это недоверие, перерастающее в отвержение и стигматизацию, я продемонстрирую как с позиции самих бисесуальных людей, так и со стороны гомосесуальных информантов.

Так, информантка критически относится к бинарному делению по принципу сесуальности и пренебрежению бисесуальными людьми среди ЛГБТ-активистов и ЛГБТ-сообществ: «Точно хочу сказать свое “фи” касательно того, что БИ статус игнорируется в ЛГБТ. [. . .] То есть все будто строго: или мы еще гетеро, или уже лесби» (бисесуальная женщина, 1988 г. р.). В своем тексте она написала «би» заглавными буквами, зрительно выделив таким образом название собственной идентичности, для которой не находится места в бинарной системе представлений о дискретной сесуальности. Другая информантка после интервью позвонила мне и сказала, что в ходе нашего разговора забыла сказать о важном – о том, как сталкивалась с осуждением из-за своей бисесуальности: «Говорили, что еще не определилась, что на самом деле гетеро. Называли “грязной двустволкой”. Постоянные шутки на грани фола» (бисесуальная женщина, 1979 г. р.). Тот факт, что она посчитала нужным добавить это уже после завершения нашей беседы, свидетельствует о том, насколько важным она сама считает это замечание, с одной стороны, и о том, что в моем гайде интервью, ориентированном на негетеросесуальность вообще, не нашлось вопросов, которые бы затрагивали специфику именно бисесуального положения – с другой стороны. Оскорбления, с которыми сталкивалась информантка, отражают представления о том, что бисесуальность – это «ненастоящая» сесуальность, и одновременно связывают ее с «чрезмерной» сесуальностью и непристойностью.

Гомосесуальная информантка, отвечая на вопрос об опыте общения с психологами, афористично заметила: «Есть три вещи, в которые я не верю: бисесуальность, депрессия и Бог» (гомосесуальная женщина, 1973 г. р.). Очевидно, что эта фраза не была спонтанной и выражала давно сформулированные убеждения. Бисесуальность оказалась здесь первой в перечне того, чему информантка отказывает в существовании. В таком контексте она приобретает значение иллюзии или выдумки, призванной оправдать что-либо.

Таким образом, бисесуальность оказывается невозможной, отсутствующей, «ненастоящей» сесуальностью в глазах тех, кто убежден в дискретности и неизменности сесуального влечения. С их точки зрения, те, кто называют тебя бисесуальными, на самом деле или гомосесуальны, или гетеросесуальны, но не могут определиться или притворяются, вводят себя и других в заблуждения. Поскольку бисесуальные люди постоянно пересекают границы привычных и ясных катего-

рий сексуальности, сама концепция бисексуальности оказывается опасной, «грязной» или невозможной (Дуглас [1966] 2000).

ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП

В некоторых нарративах бисексуальность фигурирует как некий переходный, промежуточный период между гетеросексуальным и гомосексуальным самоопределением. Сначала, прежде чем свыкнуться с мыслью о собственной гомосексуальности, освоить гомосексуальную идентичность, некоторые информанты, по их словам, называли себя бисексуальными. Так, информант описывает этот момент в терминах психологии как защитный механизм, позволяющий минимизировать негативные переживания, связанные с осознанием собственной гомосексуальности:

Я пришел к выводу, что я являюсь бисексуалом, да и только. Возможно, это был такой элемент психологической защиты от своих истинных желаний, ведь признать тогда, что я являюсь геем и мне нужен исключительно мужчина рядом со мной, означало то, что к моим желаниям автоматически прирастет масса вопросов, каких-то абстрактных сложностей и ответственности (гомосексуальный мужчина, около 1993 г. р.).

Рассказчик использует присоединительную конструкцию «да и только», обладающую ограничительным значением: он решил, что «всего лишь» бисексуал, а не гомосексуал (что в его системе координат являлось бы более серьезной проблемой). Информант описывает гомосексуальное желание как «истинное», однако сопровождающееся большой ответственностью и трудностями, к которым поначалу он был не готов. Бисексуальная самоидентификация позволила ему временно отодвинуть встречу с ними, дала время постепенно подготовиться или решить для себя внутренние противоречия.

Другая информантка рассказывала о том, что ее первые каминг-ауты близким людям были в качестве бисексуального человека:

Была попытка продать это как бисексуальность, но потом стало понятно, что, вероятно, нет. Я, конечно, все еще не уверена, но выше тройки точно [по шкале Кинси]. . . [Интервьюер: Это ты так пыталась смягчить углы?] Да, да. И для себя, и для нее [подруги, перед которой открывалась]. . . Мне для себя тогда было очень важно понимать, что это нерешенная ситуация. Ну, потому что в принципе делать вывод на основе одного чувства. . . Это ничего не гарантирует. Это гарантирует, что такое чувство ты испытывать можешь, но это не гарантирует, что не можешь испытывать другое. Когда таких ситуаций три, это уже показательно. А так, для человека, мне кажется, столкновение с таким, полу-привычным – оно легче, чем столкновение с полностью непривычным (негетеросексуальная женщина, 1999 г. р.).

Выбор слов информантки («продать это как») подчеркивает неискренность, искусственность бисексуальной самоидентификации, несмотря на то, что она по-прежнему не уверена в том, может ли уверенно говорить о своей исключительной гомосексуальности. Она выбирала бисексуальную идентичность, потому что та за-

ключала в себе необходимую долю неопределенности и изменчивости. Бисексуальная идентичность дает возможность маневрировать, выбирать разные сценарии, в то время как гомосексуальная словно требует от информантки давать гарантию, что ее сексуальный выбор окончательный и неизменный. Интересен и ее количественный подход к выбору идентичности: из ее размышлений следует, что сексуальный опыт должен количественно подтверждать ее выбор самоопределения. Информантка не считала первый и единственный гомосексуальный опыт достаточным для обоснования собственной идентичности, для уверенности в своем выборе самоидентификации ей необходима эмпирически подтвержденная тенденция. И наконец, она называет бисексуальность «полупривычной» (в сравнении с совсем не привычной гомосексуальностью). С ее точки зрения, бисексуальность оказывается «полунормой», которая не так грубо нарушает социальные конвенции, а, соответственно, более приемлема, чем гомосексуальность, оказывающаяся целиком за пределами нормы.

Подобные истории, в которых бисексуальность оказывалась своего рода транзитным состоянием, позволяющим постепенно примириться со своей сексуальностью, всегда были ретроспективными и исходили от тех, кто уже (на момент порождения биографического нарратива) определял себя в большей степени как гомосексуального человека.

БИСЕКСУАЛЬНАЯ ПРЕДИСПОЗИЦИЯ

В ряде биографических текстов возникала, в упрощенном виде, идея Фрейда о том, что все люди изначально бисексуальны. Теория, в соответствии с которой гетеросексуальное влечение (так же, как и гомосексуальное) не является самоочевидным и развивается на ранних жизненных этапах под влиянием различных факторов, сводилась к представлению о всеобщей бисексуальности. При этом апелляция к этой концепции не соотносилась напрямую с собственной идентичностью рассказчика. Иными словами, говоря о том, что все люди так или иначе бисексуальны, информанты одновременно называли себя гомосексуальными. Имя Фрейда возникало в некоторых нарративах, другие информанты подразумевали идею бисексуальной predisposition, но не ссылались на Фрейда эксплицитно.

Идея бисексуальной predisposition использовалась в нарративах как объяснительная модель в разных ситуациях. Так, информант, описывая начало сексуальных отношений с мужчинами, которые раньше позиционировали себя в качестве гетеросексуальных, отсылает именно к Фрейду:

Если меня интересовал молодой человек, меня не интересовало, гей он или натурал. К сожалению, в моей биографии было очень мало геев. Поэтому я проявлял к человеку симпатию, и если он на нее откликнулся, то мы продолжали общаться независимо от умных слов, связанных с идентичностью. Мне было неинтересно, какая у него идентичность. Потому что когда-то я прочитал у дяди Фрейда, что все бисексуальны, и это в моей голове осталось очень долго (гомосексуальный мужчина, 1980 г. р.).

Информант объясняет гибкость сексуальной идентичности и сексуального поведения своих партнеров всеобщей бисексуальностью и по той же причине рассчитывает на такую же гибкость среди потенциальных партнеров, невзирая на их самоидентификацию. В его словах присутствует критический запал по отношению к любым сексуальным идентичностям, обозначения которых он иронично называет «умными словами». Однако при этом он не отказывается от стабильности собственной идентичности, определяя себя на протяжении всего биографического нарратива как гея. Таким образом, в данном случае идея всеобщей бисексуальности оказывается объяснительной моделью для перемены в чужом сексуальном поведении, не оказывая влияние на представление о себе.

Некоторые информанты, говоря о собственной сексуальности, склонялись к тому, что изначально (от рождения) они бисексуальны, а их гомосексуальные идентичность и стиль жизни являются результатом сознательного выбора. Другими словами, они считают, что потенциально могли бы иметь и гомосексуальные, и гетеросексуальные отношения, но по тем или иным причинам выбирают для себя вступать в отношения с партнерами только одного пола. Так, информант считает, что мог бы иметь отношения с женщинами, отмечает, что в юности ходил на свидания с девушками, но общение и отношения с мужчинами давались ему проще, поэтому он выбрал для себя гомосексуальную идентичность: «Ну, я думаю, это. . . упростил себе жизнь. Вообще мне кажется, если бы я заморочился, я бы мог и с девчонкой дружить» (гомосексуальный мужчина, 1985 г. р.). Гетеросексуальные отношения описываются здесь как более сложные, требующие усилий, которых информант не хотел предпринимать, хотя гипотетически, как он говорит, был на это способен. Другая информантка считает, что она преимущественно бисексуальна, но выбирает лесбийскую идентичность: «Я выбрала быть лесбиянкой. Как я сказала, я на 90% бисексуальна, но я выбрала to identify as a lesbian. Потому что думаю, что не смогу найти мужчин, как я хочу» (гомосексуальная женщина, 1992 г. р.). Ее феминистская позиция и представления о том, какими характеристиками должен обладать партнер, склоняют ее к тому, что среди женщин ей проще найти подходящую для нее партнершу, чем среди мужчин. В какой-то степени можно назвать это политическим выбором, стратегией лесбийского феминизма.

Таким образом, бисексуальность может трактоваться как изначальные условия человеческой сексуальности, потенциал, на основе которого человек делает выбор в пользу тех или иных идентичностей, стратегий поведения и жизненных стилей. Этот подход может применяться как к чужой сексуальности, объясняя непоследовательность поведения других и не подрывая при этом стабильность собственного самоощущения, так и к собственной сексуальности, позволяя описать прошлый опыт, сексуальное влечение, которое может быть направлено на людей разного пола или гендера, и не противореча предпочтительным стратегиям.

БИСЕСУАЛЬНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

Рассмотренные выше значения бисексуальности наделялись извне теми, кто сам не считал себя бисексуальным теперь или же вообще никогда. Далее я обращусь к значениям бисексуальности, которые формулировали преимущественно те, кто

определял себя в качестве бисексуального человека на момент порождения биографического нарратива. При классификации этих значений определяющим для меня является принцип особой бисексуальной темпоральности, о которой писала Хеммингс (Hemmings 2002): о каком времени говорили мои информанты, называя себя или свой опыт бисексуальным? В соответствии с этим принципом можно говорить о бисексуальности в синхронном и в диахронном измерениях. Под синхронным измерением я подразумеваю описание информантами ощущения, понимания себя в текущий момент. Диахронное измерение предполагает, что, идентифицируя себя бисексуальным образом, информант обращается не только к текущему состоянию, но и к прошлому опыту или к своему видению будущего.

Многие бисексуальные или близкие к этому самоопределению информанты говорили о своей бисексуальности как реальной или потенциальной открытости отношениям и с мужчинами, и с женщинами в настоящий момент. Они отмечали, что и те, и другие являются для них сексуально привлекательными сейчас. Это значение наиболее приближено к повседневному знанию о бисексуальности, выраженному в словах Вуди Аллена, с которых началась эта статья. Так, автор письменной автобиографии пишет о себе, добавляя в конце череду улыбающихся смайликов: «Мне нравятся и парни и девушки, а еще лучше в комплекте)))» (бисексуальная женщина, около 1988 г. р.). Последнее шутовое замечание отсылает к полиамории, одновременным отношениям с несколькими людьми, о которых подробнее пойдет речь ниже. Другая информантка для того, чтобы емко описать себя и свою сексуальность, использует категорию бисексуальности, хотя подчеркивает, что сама идея «классификации» людей по признаку сексуальности чужда ей:

Ну, типа там, бисексуалка, наверное. . . Ну, я вообще в принципе всегда, когда про это говорю, ну, как-то вообще про людей мне не особо интересно думать, мальчики они или девочки. Ну то есть как бы в каких-то смыслах – да, но в целом мне все равно. Поэтому мне как-то с классификациями этими, они мне не очень близки. [. . .] Если бы спросили, я бы сказала про бисексуальность, а в целом, если пояснять, то я бы сказала, что вообще перпендикулярно (негетеросексуальная женщина, 1985 г. р.).

Для информантки, как она говорит об этом, не важен пол или гендер при выборе партнера, она подчеркивает свое равнодушие к этому аспекту, как и свое безразличие к сексуальным идентичностям. Когда она говорит о своей бисексуальности другим людям (пусть и такая категоризация является для нее скорее принуждением), она имеет в виду именно это безразличие к гендеру потенциального партнера. Добавляя междометия («типа там»), она, по всей видимости, подчеркивает условность выбранной ею идентичности, отказывается принимать ее безоговорочно как способ описать себя. Гораздо точнее, как следует из ее слов, описывает позицию информантки наречие «перпендикулярно»: она как бы помещает себя в иную плоскость по отношению к самой идее сексуального самоопределения. Однако слово «бисексуальность» все же используется информанткой, коммуникативный контекст требует от нее искать наиболее подходящую из существующих сексуальных идентичностей. Здесь можно также вернуться к интерпретации бисексуальности как

критической позиции по отношению к любой сексуальной категоризации, о которой шла речь в теоретической части (Hemmings 2002; San Filippo 2013). В то же время можно допустить и иную интерпретацию нежелания принимать определенную сексуальную идентичность. В российском контексте, где широко распространены гомофобные настроения, любая негетеросексуальная идентичность может восприниматься как небезопасная, маргинальная, сопряженная со стигмой, а следовательно, быть нежелательной и избегаемой.

В некоторых нарративах бисексуальность позиционируется как некая свобода: преодолевая границы между гомосексуальными и гетеросексуальными категориями, бисексуальные люди оказываются свободными от гендерных предписаний и сексуальных норм. Так, информантка пишет: «Никогда, ни разу в жизни я не пожалела о своей бисексуальности и не испытала боли на этот счет. Наоборот, я бесконечно благодарна Вселенной за этот дар. Дар видеть сквозь тело. Выбирать сердцем. Жить в свободе от лейблов, страхов, заблуждений» (бисексуальная женщина, 1988–1993 г. р.). Она описывает свою бисексуальность как дар, особое умение, сверхспособность, позволяющую ей быть свободной не только от социальных норм, но и от телесности. Под последним она, вероятно, имеет в виду, что пол человека, явленный в его телесных признаках, не важен для нее, она может смотреть «сквозь» него, выбирая партнеров вне зависимости от того, какого они пола или гендера.

Бисексуальный образ жизни в некоторых текстах включает готовность к сексуальным экспериментам, свободное отношение к сексу. Так, для информантки ее бисексуальная идентичность переплетается в тексте с сексуальной свободой, раскрепощенностью, которые она подчеркивает, считает важными характеристиками своей личности: «Я очень надеюсь, что в будущем встречу с мужчинами и женщинами, которые смотрят на мир схожим образом и не смешивают радости секса со всем подряд. Жизнь коротка и величайшее ее сокровище: общение во всем многообразии форм» (бисексуальная женщина, около 1988 г. р.). Здесь важно не только то, что информантка готова к сексуальным отношениям и с мужчинами, и с женщинами, но и то, какого отношения к сексу она ждет от своих потенциальных партнеров. Открытость к отношениям с людьми обоих полов в ее нарративе объединена со стремлением освободить пространство сексуального взаимодействия от ограничительных норм и предписаний, касающихся гендера партнера, а также многих других аспектов.

Некоторые бисексуальные информанты говорили о своем опыте полиаморных отношений, одновременных отношений с несколькими людьми, основанных на честности и открытости (в отличие от промискуитета или измен, полиамория предполагает, что все сексуальные партнеры человека знают о существовании друг друга)⁵. Один информант, ныне считающий себя гомосексуальным, рассказы-

---

⁵ Нужно добавить, что в моем материале полиаморные отношения были характерны не только для бисексуальных информантов, но и для некоторых гомосексуальных и тех, кто избегал самоопределения. Соответственно, нельзя говорить ни о том, что полиамория – это специфика бисексуальности, ни о том, что бисексуальность обязательно предполагает полиаморию. Подробнее о полиамории см. Григоренко 2018; Клессе 2011; Klesse 2014.

вал о юношеском опыте отношений с девушкой, которая «открыла биполиаморию» для него (гомосексуальный мужчина, 1990 г. р.). Само понятие, которое он употребил, предполагает особое сочетание между бисексуальностью и полиаморией, в котором параллельные отношения с разными людьми – это еще и одновременные отношения как с мужчинами, так и с женщинами. Как пишет Кристиан Клессе (2011), полиамория, по словам его информантов из Великобритании, основана на свободе. В этом представлении о свободе, как мне кажется, и пересекаются значения полиамории и бисексуальности: и то и другое воспринимается как освободительные практики или даже системы взглядов.

Некоторые бисексуальные информанты упоминали групповые сексуальные практики, секс с участием более двух людей одновременно. Так, одна информантка описывает свой сексуальный опыт в то время, когда она состояла в браке: «Мы с мужем любили всякие постельные игры, и скучно не было, а все же хотелось замутить втроем. Много лет искали подходящую кандидатуру. Повезло, когда моя близкая подруга развелась. Тут-то все это и произошло» (бисексуальная женщина, около 1988 г. р.). Другая информантка, наоборот, находила на сайтах знакомств гетеросексуальные пары, с которыми вступала в сексуальные отношения: «Когда мне было 22, все на том же сайте знакомств я наткнулась на объявление “ж + м ищет ж”, я подумала: ну почему бы и нет, раз девушку одну найти не могу» (бисексуальная женщина, 1988 г. р.). Интересно, что найти такую пару для нее оказалось легче, чем одинокую негетеросексуальную женщину, готовую вступить с ней в отношения. Это в свою очередь может говорить о том, как негетеросексуальные практики и желания могут фреймироваться в нашем обществе: поскольку негетеросексуальные отношения и стили жизни стигматизированы, негетеросексуальное влечение может реализовываться в рамках нормативных отношений, находя в них «серые зоны». Таким образом, в ряде нарративов бисексуальность шла бок о бок (а иногда прямо ассоциировалась) с определенным родом «свободой взглядов», открытостью к разнообразному сексуальному опыту и постулируемому отсутствию внутренних самоограничений и стереотипов.

Диахронный аспект бисексуальности раскрывается в том случае, когда взгляд рассказчика обращен в прошлое (на имеющийся у него опыт, который он не хочет или не может скидывать со счетов) или в будущее (но необязательно ближайшее или планируемое, это может быть лишь гипотетически возможное будущее, которое нельзя отрицать наверняка). Как уже говорилось, далеко не всегда наличие сексуального опыта и с мужчинами, и с женщинами воспринимается как основание для выбора бисексуальной идентичности. Однако гетеросексуальный опыт в прошлом может быть значимым для человека и являться основанием для выбора бисексуальной идентичности, даже если этот человек больше не планирует вступать в подобные отношения. Так, одна информантка рассказывала про период в своей жизни, когда для нее была актуальна бисексуальная идентичность: «Сначала идентифицировалась как бисексуалка. Мне казалось, что это неуважительно по отношению к мужчинам, с которыми у меня были отношения, называть себя лесбиянкой» (гомосексуальная женщина, 1986 г. р.). Впоследствии она пришла к лесбийскому самоопределению, однако перед этим причиной для выбора бисексу-

альной идентичности был именно гетеросексуальный опыт в прошлом (включая официальный брак с мужчиной). Информантка описывает свой подход к выбору сексуального самоопределения как результат некоторых социальных отношений: ее бывшие партнеры оказывались вовлеченными в этот процесс как внешние свидетели. Она описывает, что испытывала необходимость признавать наличие этих отношений в прошлом, а отказ считать их значимыми для принятия той или иной идентичности означал для нее нивелиацию чужого, возможно, существенного опыта. Потом она сочла такой взгляд ошибочным и описывала переосмысление себя в терминах лесбийской идентичности как освободительный процесс.

Некоторые информанты избегали ограничивать свои практики и возможные жизненные сценарии, называя себя исключительно гомо- или гетеросексуальными. Эта стратегия самоидентификации уже находила выражение в цитате, иллюстрирующей представление о бисексуальности как переходном периоде. В том случае информантка, не готовая вначале гарантировать стабильность своей сексуальности, затем отказалась от бисексуальной идентичности, однако другие мои информанты использовали ту же стратегию на момент исследования. В рамках этой концепции бисексуальность оказывается более широкой классификационной ячейкой, оставляющей пространство для неопределенности будущего и не навязывающей один выбор раз и навсегда.

Так, информант, отвечая на вопросы о будущем, ответил: «Вообще я рассматриваю вариант обычной семьи, с женщиной, вполне. [Интервьюер: Значит ли это, что Вы бисексуальны?] Возможно. Но никогда никаких отношений с женщинами не было. Не исключаю эту возможность» (негетеросексуальный мужчина, 1989 г. р.). Он в целом был настроен скептически к активистской политике идентичности и необходимости определять себя через сексуальность, которая казалась ему «неважной». Не давая определенного ответа о собственной идентичности, он не отклоняет вариант бисексуального самоопределения. Это дает ему возможность оставить открытым финал своего нарратива (вопрос был задан ближе к концу интервью), создать пространство для изменений в стратегиях поведения, хотя он и не выражал намерения менять их умышленно.

Другая информантка, тоже не вполне уверенная в своей бисексуальной идентичности, отвечает на вопрос о том, определяет ли она себя каким-то образом так:

Ну, наверное, бисексуалка, то есть с очень сильным уклоном. Вообще я не знаю. Я считаю, что жизнь – она настолько разнообразна, что с кем угодно может случиться все, что угодно в любой момент. По крайней мере, по моему опыту, среди моих знакомых, которые били себе пятачок в грудь... Ну, я ж сама кричала всю жизнь, что у меня никогда не будет детей, ни за что! Я же их ненавижу. В результате у меня родился сын, я его очень люблю. [. . .] Как-то зарекаться, кто ты, – глупо, наверное, потому что всяко может повернуться. Я б не стала ярлыков навешивать и на гетеросексуальных людей в том числе. Потому что я сталкивалась с тем, что в принципе абсолютно гетеросексуальные люди – они попадают в среду, они меняются. И такие случаи. Все зависит от многих вещей. От мобильности психики человека, от окружения, от воспитания много зависит. Поэтому я бы не стала людей делить (негетеросексуальная женщина, 1971 г. р.).

Непредсказуемость жизни и будущего, как информантка их видит, не позволяет ей использовать категории самоопределения, которые она считает ограниченными. Их ограничения воспринимаются обманчивыми, иллюзорными, а потому ненужными. В этом смысле бисексуальная идентичность как категория, включающая в себя гибкость, изменчивость и непредсказуемость, оказывается универсальной, применимой к многообразию и хаотичности жизни. Здесь снова реализуется критическая позиция бисексуальности по отношению к другим сексуальным идентичностям, хотя сама бисексуальность тоже оказывается в ряду «ярлыков», если следовать логике информантки.

Разные временные горизонты могут быть отражены в одном нарративе: прошлый гетеросексуальный или гомосексуальный опыт может быть как раз основанием для того, чтобы не исключать такой возможности и в будущем. Например, информант вспоминает о своем юношеском опыте гетеросексуальных отношений в контексте вопроса о самоопределении:

Для простоты общения с людьми я говорю – гей, но опять же это с какой-то философской позицией связано. Поскольку я в 15–16 лет встречался с девушкой, и мне это нравилось, и все было хорошо. Поэтому не исключаю такой возможности, что в дальнейшем я тоже встречу девушку. Сейчас этого не происходит. Но философски важнее человек, а уж пол – это вторично (негетеросексуальный мужчина, 1986 г. р.).

Для того чтобы компактно и понятно описать настоящее положение вещей, он использует гей-идентичность. Однако в «философской» перспективе, более широкой, охватывающей весь жизненный опыт и отношение самого информанта к вопросам гендера потенциального партнера, бисексуальность оказывается более точным определением. В другой части своего нарратива он говорит об устройстве сексуальности: «Я уверен, что в человеке изначально заложена чаще всего бисексуальность, и есть какие-то более крайние отклонения как в одну сторону, так и в другую». Выбор идентичности и его обоснование оказываются сопряженными с представлениями о том, как вообще устроена сексуальность человека.

Когда рассказчик в текущий момент не ищет новых отношений, вопрос самоопределения усложняется. Процитированный выше информант использует «для простоты» гомосексуальную идентичность именно потому, что состоит в длительных отношениях с мужчиной и не собирается искать новые отношения с женщиной намеренно. Бисексуальная идентичность с ее гибкостью и нестабильностью словно ставила бы под угрозу устойчивость нынешних отношений в глазах тех, перед кем информант совершает признание о своей сексуальности. В то время как для некоторых информантов бисексуальность дает необходимое пространство для неопределенности, для других она словно требует постоянного продолжения поиска новых партнеров, готовности к новым отношениям. Это может быть нежелательным следствием бисексуальной идентичности для тех, чьи отношения стабильны, моногамны, соответствуют идеалам нукlearной семьи. Так, информантка описывает свои сложности с самоопределением, вызванные противоречием между прошлым опытом и актуальным самоощущением, ведущим к определенному видению будущего:

Я не исключаю, что когда-нибудь в жизни я встречу и мужчину. Сейчас мне сложно это представить. . . Но был же А. [бывший партнер], и я получала удовольствие, физическое. Но я себя не называю так. Лесбиянка или бисексуалка. На самом деле, вообще никак себя не называю вот в этом плане. То есть как будто, мне кажется, «бисексуалка» предполагает, что я продолжаю иметь влечение как минимум к обоим полам, но это не так. То есть сейчас меня интересует в принципе только К. [нынешняя партнерша], а до нее интересовали женщины. Но насколько это физиологическая или психологическая вещь, я не знаю (негетеросексуальная женщина, 1982 г. р.).

Прошлый опыт информантки вступает в конфликт с нынешним положением (отсутствие сексуального влечения к мужчинам) и с представлениями о будущем (продолжение семейной жизни с партнершей). Этот конфликт приводит к невозможности присвоить какую-либо конкретную идентичность. Ни одна из имеющихся категорий сексуального самоопределения не способна, как кажется информантке, описать ее многосоставный опыт.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ

Способом выйти из затруднения с категоризацией личного опыта может быть переключение между разными идентичностями в ходе повествования. Такое переключение может быть диахронным: например, человек описывает себя гомосексуальным в прошлом и гетеросексуальным в настоящем. Бисексуальное самоопределение также может быть одним из этапов в жизни информантов. Так, информантка переключается между тремя идентичностями: бисексуалка, лесбиянка и – нынешняя – гетеросексуалка:

Ну, тут даже трудно сказать. Потому что сейчас, например, гетеросексуал, а до этого 8 лет – гомо-, получается, а до этого, а в начале вообще би-. То есть получается она [идентичность] такая размытая. Потому что, когда я была лесби, мне было только это интересно, то есть я вообще не рассматривала другие варианты. В самом начале было и то, и то. А сейчас мне абсолютно неинтересен гомосексуальный опыт. Как хотите определяйте это, я не знаю. И я не думаю, что мне когда-то станет опять интересен [гомосексуальный опыт]. Вот как-то проехала я эту тему и все. А до этого получается, что только это было [интересно] (негетеросексуальная женщина, 1991 г. р.).

Рассказчица, с одной стороны, описывает свой опыт идентификации как дискретный, с другой стороны, называет свою идентичность «размытой». Прерывистость ее опыта самоопределения размывает границы между идентичностями, ставит их под вопрос. В конечном счете, она отказывается самостоятельно подводить черту, оставляя это интервьюеру (впрочем, ее обращение «вы» может трактоваться расширительно и включать тех, кто потенциально прочтет исследование в будущем, а также окружающих вообще, внешних наблюдателей). Таким образом, она подчеркивает, что идентичность сама по себе не важна для нее, она готова отдать ее на оценку внешнего взгляда (который и требует от нее категоризировать свой опыт).

Переключение между идентичностями может быть и синхронным: в разные моменты порождения биографического нарратива рассказчик использует разные категории самоидентификации. Некоторые информанты переключались между разными идентичностями прямо в ходе рассказа. Так, женщина, которая назвала свою автобиографию «Гомосексуальность в России, как она случилась со мной» и упоминала в отношении себя именно гомосексуальное самоопределение на протяжении всей жизненной истории, ближе к концу заключает: «Я скорее бисесуал, потому что легко могу представить, что мне может понравиться мужчина. Однако я испытываю сексуальное влечение именно к девушкам, именно вид тела девушки возбуждает меня» (негетеросексуальная женщина, около 1988–1993 г. р.). Ключевым для гомосексуального самоопределения здесь оказывается сексуальное влечение, в то время как бисесуальность носит гипотетический характер, и тем не менее, даже будучи только предполагаемым, это самоопределение возникает в финале повествования, подводя итог проделанной биографической работе.

Другая информантка, которая последовательно рассказывала о становлении своей лесбийской идентичности, затем, описывая, как влюбилась в трансгендерного мужчину, а после вышла за него замуж, отмечает вскользь, что бисесуальна: «В принципе, я бисесуальна по природе, даже не принципиально это. Это не принципиальный вопрос, кого ты любишь, и за что, и как» (негетеросексуальная женщина, 1970 г. р.). Эссенциальной, сущностной для информантки оказывается именно бисесуальность, которая дает ей возможность непротиворечиво переходить в своем нарративе от одного эпизода к другому. Отсылка к природе может быть также связана с убеждением о всеобщей врожденной бисесуальности, о которой уже шла речь ранее.

Интересно, что в нескольких кейсах бисесуальное самоопределение возникло именно тогда, когда перед информантом вставал вопрос (заданный интервьюером или рассказчиком самому себе в случае автобиографического письма): как именно он или она себя определяет? Иначе говоря, в ходе всего рассказа о себе человек называет себя геем, лесбиянкой или гомосексуалом, но, вставая перед необходимостью вынести своего рода вердикт своей сексуальности, прибегает к бисесуальности, которая оказывается как бы шире гомосексуальной идентичности, включая в себя и гомосексуальные, и гетеросексуальные сценарии.

Подобные переключения могут отражать разные представления об устройстве сексуальности. Гомосексуальное и бисесуальное прошлое вкупе с гетеросексуальным настоящим могут свидетельствовать о том, что для этих информантов сексуальность представляется гибкой, изменчивой, флюидной, в отличие от тех рассказчиков, чьи нарративы обслуживают одну идентичность. При этом нынешнюю идентичность (гетеросексуальную) эти информантки описывали как устойчивую и неизменную. С другой стороны, разнообразие жизненного опыта, наличие и гомосексуальных, и гетеросексуальных отношений требует какого-то объяснения, и намеренное, а иногда как будто бы незаметное для самого рассказчика и внутренне непротиворечивое переключение между идентичностями оказывается способом связать жизненную историю воедино и снять кажущееся противоречие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К ПРАГМАТИКЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Описанный дискурсивный и интерпретативный репертуар моих информантов свидетельствует о множественном, переходном, всегда частичном характере бисексуальной категории, о котором пишет Хеммингс (Hemmings 2002). Ни одно из выявленных значений не является ведущим или единственно верным. Они сосуществуют в пересекающихся дискурсивных пространствах, создавая новые и воспроизводя уже имеющиеся отношения между практиками и идентичностями, выполняя разные функции в различных контекстах. Фиксируя эти значения и порождаемые ими отношения, я стремлюсь показать, как работают сексуальные категории и идентичности (Sedgwick 1990).

Суммируя обнаруженные в негетеросексуальных биографических нарративах значения бисексуальности, можно сказать следующее. Бисексуальность – довольно сложная категория самоопределения, включающая в себя различные дискурсивные стратегии и способы самопонимания. Извне бисексуальность может подвергаться сомнению, казаться ненастоящей, притворной, невозможной сексуальностью из-за неустойчивости, текучести и способности преодолевать категориальные границы между другими стабильными идентичностями. Это приводит к недоверию, отвращению, объективизации и экзотизации сексуальности, чуждой как для людей с гетеросексуальным самоопределением, так и для обладателей гомосексуальных идентичностей. Бисексуальность может исполнять роль своеобразного плавного перехода между полярными сексуальностями, восприниматься (ретроспективно, если речь о собственном опыте) как транзитное, временное состояние, попытка обезопасить себя в процессе освоения гомосексуальной идентичности. Бисексуальность может трактоваться как начальное условие развития любой сексуальности, ранний этап, биологическая предрасположенность. В этом смысле бисексуальность оказывается, с одной стороны, подкрепленной естественно-научным обоснованием, а с другой стороны, незрелой сексуальностью, являющейся основой для формирования устойчивой «взрослой» сексуальности. Бисексуальность может выполнять функцию объяснительной модели для неожиданных изменений в жизненных траекториях (своих и чужих), способом рационализировать переключения между сексуальными сценариями. В рамках нарратива бисексуальность выполняет связующую функцию, объединяя разрозненные и противоречивые фрагменты человеческого опыта в одну историю.

Важным элементом бисексуальной категории оказывается временная перспектива. Под бисексуальностью может подразумеваться текущая открытость к отношениям и с женщинами, и с мужчинами. Помимо этого основного значения, коннотациями бисексуальности оказываются сексуальная свобода, открытость к разнообразному сексуальному опыту, полиамория, открытые отношения. Бисексуальность может интерпретироваться в диахронном измерении, включать в себя описание разнообразного опыта в прошлом. В этом случае бисексуальность оказывается описательной категорией для жизненной ретроспективы. При этом описательный подход к выбору сексуального самоопределения может

интериоризовывать внешние оценки бывших партнеров, предполагать внимание к их мнению. Бисексуальность также может быть обращена в будущее, давая возможность включить элемент неопределенности в описание себя и своей жизненной перспективы. В то же время этот элемент неопределенности препятствует бисексуальной самоидентификации среди тех, кто находится в стабильных отношениях и не планирует заводить новые. Таким образом, сексуальная идентичность – это не только личный выбор способа самоописания и самокатегоризации, ставший итогом анализа собственных чувств и предпочтений, это еще и результат множества социальных отношений, включающий в себя ожидания и оценки окружающих.

Бисексуальность может участвовать в переключениях между идентичностями, которые также происходят либо в диахронии (разные идентичности – в разные периоды жизни), либо в синхронии (одновременное использование разных идентичностей в разных контекстах). Диахронное переключение между сексуальными идентичностями свидетельствует о дискретном представлении о сексуальности, одновременно ставя под вопрос границы между сексуальными категориями. Процесс синхронного переключения между сексуальными идентичностями может быть ключом к прагматике использования различных сексуальных идентичностей и дополнительным смыслом, которыми нагружают их носители. Бисексуальность иногда оказывается более широкой идентичностью, предполагающей разнообразие опыта и жизненных стратегий, внутри которой могут использоваться (суб)идентичности с утилитарной функцией описания текущего момента. Кроме того, бисексуальность может сочетаться с критическим взглядом на любую сексуальную категоризацию и идентификацию, носить мерцающий характер. В условиях российской действительности такая неустойчивая самоидентификация может быть связана также с особой стигматизацией негетеросексуальных практик и идентичностей.

Выбор сексуальной идентичности может быть связан с представлениями о том, как устроена сексуальность вообще, является ли она биологически predetermined или социально обусловленной. Внимательный анализ использования категории бисексуальности по отношению к собственному опыту позволяет исследовать разрыв между идентичностями и практиками, а также понять, по какому принципу негетеросексуальные люди выбирают ту или иную идентичность. Полученные результаты свидетельствуют о том, что сексуальная идентичность может выполнять многообразные функции: категориальные, нарративные, социальные. Преследуя различные цели в многообразных коммуникативных ситуациях (включая интервью или написание автобиографии), негетеросексуальные люди предпочитают те или иные способы категоризировать свой опыт. В зависимости от того, какие именно цели стоят перед ними, их выбор может быть стабильным, а может меняться или сразу включать в себя вариации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые, Пьер. [1986] 2002. «Биографическая иллюзия». *Интер* 1:75–81.
- Григоренко, Ольга. 2018. «Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ». *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология* 24(2):139–155. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-139-155>.
- Дуглас, Мэри. [1966] 2000. *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-пресс-Ц-Кучково поле.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2007. «Категоризация взаимодействий: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере». С. 250–265 в *Российский гендерный порядок: социологический подход*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Калугин, Дмитрий. 2015. *Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв.* СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Кислицына, Полина. 2021. «“Мы выходим из шкафа не единожды, а много-много раз”: каминг-аут, доверие и вариации открытости в биографиях российских негетеросексуальных людей». *Cahiers du monde russe* 62(2–3):307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>.
- Кислицына, Полина. 2023а. «Негетеросексуальные улики: расследование собственной сексуальности в биографических нарративах». *Антропологический форум* 56:93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>.
- Кислицына, Полина. 2023б. «Телесность в биографических нарративах негетеросексуальных людей». *Этнографическое обозрение* 3:206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119>.
- Клессе, Кристиан. 2011. «Понятия о любви в полиамории: составляющие дискурса о множественных любовных отношениях. Резюме». *Laboratorium: Журнал социальных исследований* 3(2):121–127.
- Кон, Игорь. 2003. *Лики и маски однополрой любви: Лунный свет на заре*. М.: Олимп, АСТ.
- Мюшембле, Робер. [2005] 2021. *Оргазм, или Любовные утехы на Западе: История наслаждения с XVI века до наших дней*. М.: Новое литературное обозрение.
- Нартова, Надежда. 1999. «Молодежная лесбийская субкультура в Санкт-Петербурге». С. 209–226 в *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ)*, под ред. Владимира Костюшева. СПб.: Норма.
- Рождественская, Елена. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Соболева, Ирина и Ярослав Бахметьев. 2014. «“Меня как будто вытолкали за ворота”: реакция ЛГБТ на запрет “пропаганды гомосексуализма”». *Журнал исследований социальной политики* 12(2):217–232.
- Фрейд, Зигмунд. [1905] 1990. *Психология бессознательного*. М.: Просвещение.
- Anderlini-D’Onofrio, Serena, ed. 2004. *Plural Loves: Designs for Bi and Poly Living*. Binghamton, NY: Harrington Park Press.
- Andreevskikh, Olga. 2018. “Social Networking Sites as Platforms for Transgression: Two Case Studies of Russian Women Involved in Bisexual and Transgender Rights Activism.” *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media* 19:11–39.
- Browne, Kath. 2003. “Negotiations and Fieldworkings: Friendship and Feminist Research.” *ACME: An International Journal for Critical Geographies* 2(2):132–146.
- Butler, Judith. 1990. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Buyantueva, Radzhana. 2018. “LGBT Rights Activism and Homophobia in Russia.” *Journal of Homosexuality* 65(4):456–483. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1320167>.
- Buyantueva, Radzhana. 2022. “What Motivates LGBT Activists to Protest? The Case of Russia.” *Problems of Post-Communism* 69(3):242–255. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1822187>.
- Clech, Arthur. 2018. “Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities.” *Slavic Review* 77(1):6–29. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.8>.

- Coffman, Elesha. 2021. *Margaret Mead: A Twentieth-Century Faith*. Oxford: Oxford University Press.
- Diamond, Lisa M. 2008. *Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Drousioti, Kalli. 2021. "Does Judith Butler Subvert Gender Binarism? Let's Talk about Sex(ual Dipoles)." *Journal of Bisexuality* 21(1):94–112. <https://doi.org/10.1080/15299716.2020.1870055>.
- Elia, John P., Mickey Eliason, and Genny Beemyn. 2018. "Mapping Bisexual Studies: Past and Present, and Implications for the Future." Pp. 1–18 in *Bisexuality: Theories, Research, and Recommendations for Invisible Sexuality*, edited by D. Joye Swan and Shani Habibi. Cham, Switzerland: Springer.
- Eliason, Mickey. 1997. "The Prevalence and Nature of Biphobia in Heterosexual Undergraduate Students." *Archives of Sexual Behavior* 26(3):317–326.
- Eliason, Mickey. 2000. "Bi-Negativity." *Journal of Bisexuality* 1(2–3):137–154. https://doi.org/10.1300/J159v01n02_05.
- Ellis, Havelock. 1897. *Studies in the Psychology of Sex*. Philadelphia: FA Davis.
- Garber, Marjorie. 1995. *Vice Versa: Bisexuality and the Eroticism of Everyday Life*. New York: Simon & Schuster.
- Gussow, Mel. 1975. "Everything You Wanted to Know about Woody Allen at 40." *New York Times*, December 1, p. 66.
- Hayfield, Nikki, and Karolína Křížová. 2021. "It's like Bisexuality, but It Isn't: Pansexual and Panromantic People's Understandings of Their Identities and Experiences of Becoming Educated about Gender and Sexuality." *Journal of Bisexuality* 21(2):167–193. <https://doi.org/10.1080/15299716.2021.1911015>.
- Healey, Dan. 2018. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury Publishing.
- Hemmings, Clare. 2002. *Bisexual Spaces: A Geography of Sexuality and Gender*. New York: Routledge.
- Hemmings, Clare. 2007. "What's in a Name? Bisexuality, Transnational Sexuality Studies and Western Colonial Legacies." *International Journal of Human Rights* 11(1–2):13–32. <https://doi.org/10.1080/13642980601176258>.
- Highleyman, Liz A. 1995. "Identity and Ideas: Strategies for Bisexuals." Pp. 73–92 in *Bisexual Politics: Theories, Queries, and Visions*, edited by Naomi S. Tucker. New York: Routledge.
- Kinsey, Alfred C., Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin. 1948. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W. B. Saunders.
- Kinsey, Alfred C., Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin, and Paul H. Gebhard. 1953. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W. B. Saunders.
- Klein, Fred/Fritz. 1978. *The Bisexual Option: A Concept of One Hundred Percent Intimacy*. New York: Arbor House.
- Klesse, Christian. 2014. "Polyamory: Intimate Practice, Identity or Sexual Orientation?" *Sexualities* 17(1–2):81–99. <https://doi.org/10.1177/1363460713511096>.
- Kondakov, Alexander Sasha, and Evgeny Shtorn. 2021. "Sex, Alcohol, and Soul: Violent Reactions to Coming Out after the 'Gay Propaganda' Law in Russia." *Russian Review* 80(1):37–55. <https://doi.org/10.1111/russ.12297>.
- Krafft-Ebing, Richard V. [1886] 1904. *Psychopathia Sexualis: With Especial Reference to Antipathic Sexual Instinct; a Medico-Forensic Study*. New York: Rebman.
- Lahti, Annukka. 2019. *Bisexuality in Relationships: A Queer Psychosocial Approach*. Jyväskylä, Finland: University of Jyväskylä.
- MacDonald, A. P., Jr. 1981. "Bisexuality: Some Comments on Research and Theory." *Journal of Homosexuality* 6(3):21–36.
- Mead, Margaret. 1975. "Bisexuality: What's It All About?" *Redbook* 144(3):29–31.
- Mole, Richard. 2019. "Constructing Soviet and Post-Soviet Sexualities." Pp. 1–15 in *Soviet and Post-Soviet Sexualities*, edited by Richard Mole. New York: Routledge.

- Murphy, M. Lynne. 1997. "The Elusive Bisexual: Social Categorization and Lexico-Semantic Change." Pp. 35–57 in *Queerly Phrased: Language, Gender, and Sexuality*, edited by Anna Livia and Kira Hall. Oxford: Oxford University Press.
- Pramaggiore, Maria. 1996. "BI-ntroduction I: Epistemologies of the Fence." Pp. 1–7 in *Representing Bisexualities*, edited by Donald E. Hall and Maria Pramaggiore. New York: New York University Press.
- Rust, Paula C. 1995. *Bisexuality and the Challenge to Lesbian Politics: Sex, Loyalty, and Revolution*. New York: New York University Press.
- San Filippo, Maria. 2013. *The B Word: Bisexuality in Contemporary Film and Television*. Bloomington: Indiana University Press.
- Savoia, Paolo. 2010. "Sexual Science and Self-Narrative: Epistemology and Narrative Technologies of the Self between Krafft-Ebing and Freud." *History of the Human Sciences* 23(5):17–41. <https://doi.org/10.1177/0952695110375040>.
- Sedgwick, Eve K. 1990. *Epistemology of the Closet*. Berkeley: University of California Press.
- Stella, Francesca. 2015. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Storr, Merl, ed. 1999. *Bisexuality: A Critical Reader*. New York: Routledge.

POLYSEMANTIC BISEXUALITY AND THE PRAGMATICS OF SEXUAL IDENTITY

Polina Kislitsyna

Polina Kislitsyna, independent researcher, Russia. pkislitsyna@eu.spb.ru.

The article examines the meanings that bisexuality is endowed with from the outside (by those who do not identify as bisexual at the current moment) and from within (by those for whom this is an actual identity). The study is based on biographical interviews and written autobiographies collected from nonheterosexual people: homosexual, bisexual, and those who avoid specific sexual identities. Bisexuality appears as a polysemous category with porous, flexible, hard-to-perceive boundaries. Because of its instability, some refuse to see bisexuality as a "true," stable form of sexuality or sexual identity. Others see it as only a transitional, temporary state, a "middle ground" between homosexuality and heterosexuality, or as a predisposition for sexual development. Of particular importance in the context of bisexual self-determination is temporality: the vision of one's past, present, and future is tightly woven into the process of self-identification. Bisexual identity can be unstable, combined with other identities, and sometimes replaced by them within the same narrative. While trying to capture the diversity of meanings associated with bisexuality, the article raises a broader question about the pragmatics of sexual identity in general: Why do nonheterosexual people (not) choose this or that sexual identity? What are the social processes behind sexual self-identification or refusal of it? In addition, the article offers a historical review of bisexuality studies and also systematizes currently existing theoretical conceptualizations of bisexuality.

Keywords: Bisexuality; Homosexuality; Sexual Identity; Gender; Sexuality; Biographical Narratives; Biographical Method; Discursive Strategies

REFERENCES

- Anderlini-D'Onofrio, Serena, ed. 2004. *Plural Loves: Designs for Bi and Poly Living*. Binghamton, NY: Harrington Park Press.
- Andreevskikh, Olga. 2018. "Social Networking Sites as Platforms for Transgression: Two Case Studies of Russian Women Involved in Bisexual and Transgender Rights Activism." *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media* 19:11–39.
- Bourdieu, Pierre. [1986] 2002. "Biograficheskaiia illiuziia." *Inter* 1:75–81.
- Browne, Kath. 2003. "Negotiations and Fieldworkings: Friendship and Feminist Research." *ACME: An International Journal for Critical Geographies* 2(2):132–146.
- Butler, Judith. 1990. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Buyantueva, Radzhana. 2018. "LGBT Rights Activism and Homophobia in Russia." *Journal of Homosexuality* 65(4):456–483. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1320167>.
- Buyantueva, Radzhana. 2022. "What Motivates LGBT Activists to Protest? The Case of Russia." *Problems of Post-Communism* 69(3):242–255. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1822187>.
- Clech, Arthur. 2018. "Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities." *Slavic Review* 77(1):6–29. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.8>.
- Coffman, Elesha. 2021. *Margaret Mead: A Twentieth-Century Faith*. Oxford: Oxford University Press.
- Diamond, Lisa M. 2008. *Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Douglas, Mary. [1966] 2000. *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu*. Moscow: Kanon-press-Ts-Kuchkovo pole.
- Drousioti, Kalli. 2021. "Does Judith Butler Subvert Gender Binarism? Let's Talk about Sex(ual Dipoles)." *Journal of Bisexuality* 21(1):94–112. <https://doi.org/10.1080/15299716.2020.1870055>.
- Elia, John P., Mickey Eliason, and Genny Beemyn. 2018. "Mapping Bisexual Studies: Past and Present, and Implications for the Future." Pp. 1–18 in *Bisexuality: Theories, Research, and Recommendations for Invisible Sexuality*, edited by D. Joye Swan and Shani Habibi. Cham, Switzerland: Springer.
- Eliason, Mickey. 1997. "The Prevalence and Nature of Biphobia in Heterosexual Undergraduate Students." *Archives of Sexual Behavior* 26(3):317–326.
- Eliason, Mickey. 2000. "Bi-Negativity." *Journal of Bisexuality* 1(2–3):137–154. https://doi.org/10.1300/J159v01n02_05.
- Ellis, Havelock. 1897. *Studies in the Psychology of Sex*. Philadelphia: FA Davis.
- Freud, Sigmund. [1905] 1990. *Psikhologiiia besoznatel'nogo*. Moscow: Prosveshchenie.
- Garber, Marjorie. 1995. *Vice Versa: Bisexuality and the Eroticism of Everyday Life*. New York: Simon & Schuster.
- Grigorenko, Olga. 2018. "Fenomen poliamorii v sovremennom obshchestve: Sotsiologicheskii analiz." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 18: Sotsiologiiia i politologiiia* 24(2):139–155. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-139-155>.
- Gussow, Mel. 1975. "Everything You Wanted to Know about Woody Allen at 40." *New York Times*, December 1, p. 66.
- Hayfield, Nikki, and Karolína Křížová. 2021. "It's like Bisexuality, but It Isn't: Pansexual and Panromantic People's Understandings of Their Identities and Experiences of Becoming Educated about Gender and Sexuality." *Journal of Bisexuality* 21(2):167–193. <https://doi.org/10.1080/15299716.2021.1911015>.
- Healey, Dan. 2018. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury Publishing.
- Hemmings, Clare. 2002. *Bisexual Spaces: A Geography of Sexuality and Gender*. New York: Routledge.
- Hemmings, Clare. 2007. "What's in a Name? Bisexuality, Transnational Sexuality Studies and Western Colonial Legacies." *International Journal of Human Rights* 11(1–2):13–32. <https://doi.org/10.1080/13642980601176258>.

- Highleyman, Liz A. 1995. "Identity and Ideas: Strategies for Bisexuals." Pp. 73–92 in *Bisexual Politics: Theories, Queries, and Visions*, edited by Naomi S. Tucker. New York: Routledge.
- Kalugin, Dmitrii. 2015. *Proza zhizni: Russkie biografii v XVIII–XIX vv.* Saint Petersburg, Russia: EUSP Press.
- Kinsey, Alfred C., Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin. 1948. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W. B. Saunders.
- Kinsey, Alfred C., Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin, and Paul H. Gebhard. 1953. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W. B. Saunders.
- Kislitsyna, Polina. 2021. "My vykhodim iz shkafa ne edinozhdy, a mnogo-mnogo raz': Kaming-aut, doverie i variatsii otkrytosti v biografiakh rossiiskikh negeteroseksual'nykh liudei." *Cahiers du monde russe* 62(2–3):307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>.
- Kislitsyna, Polina. 2023a. "Negeteroseksual'nye uliki: Rassledovanie sobstvennoi seksual'nosti v biograficheskikh narrativakh." *Antropologicheskii forum* 56:93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>.
- Kislitsyna, Polina. 2023b. "Telesnost' v biograficheskikh narrativakh negeteroseksual'nykh liudei." *Etnograficheskoe obozrenie* 3:206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119>.
- Klein, Fred/Fritz. 1978. *The Bisexual Option: A Concept of One Hundred Percent Intimacy*. New York: Arbor House.
- Klesse, Christian. 2011. "Notions of Love in Polyamory—Elements in a Discourse on Multiple Loving." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 3(2):4–25.
- Klesse, Christian. 2014. "Polyamory: Intimate Practice, Identity or Sexual Orientation?" *Sexualities* 17(1–2):81–99. <https://doi.org/10.1177/1363460713511096>.
- Kon, Igor'. 2003. *Liki i maski odnopoloy liubvi: Lunnyi svet na zare*. Moscow: Olimp, AST.
- Kondakov, Alexander Sasha, and Evgeny Shtorn. 2021. "Sex, Alcohol, and Soul: Violent Reactions to Coming Out after the 'Gay Propaganda' Law in Russia." *Russian Review* 80(1):37–55. <https://doi.org/10.1111/russ.12297>.
- Krafft-Ebing, Richard V. [1886] 1904. *Psychopathia Sexualis: With Especial Reference to Antipathic Sexual Instinct; a Medico-Forensic Study*. New York: Rebman.
- Lahti, Annukka. 2019. *Bisexuality in Relationships: A Queer Psychosocial Approach*. Jyväskylä, Finland: University of Jyväskylä.
- MacDonald, A. P., Jr. 1981. "Bisexuality: Some Comments on Research and Theory." *Journal of Homosexuality* 6(3):21–36.
- Mead, Margaret. 1975. "Bisexuality: What's It All About?" *Redbook* 144(3):29–31.
- Mole, Richard. 2019. "Constructing Soviet and Post-Soviet Sexualities." Pp. 1–15 in *Soviet and Post-Soviet Sexualities*, edited by Richard Mole. New York: Routledge.
- Muchembled, Robert. [2005] 2021. *Orgazm, ili Liubovnye utekhi na Zapade: Istorii naslazhdeniia s XVI veka do nashikh dnei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Murphy, M. Lynne. 1997. "The Elusive Bisexual: Social Categorization and Lexico-Semantic Change." Pp. 35–57 in *Queerly Phrased: Language, Gender, and Sexuality*, edited by Anna Livia and Kira Hall. Oxford: Oxford University Press.
- Nartova, Nadezhda. 1999. "Molodezhnaia lesbiiskaia subkul'tura v Sankt-Peterburge." Pp. 209–226 in *Molodezhnye dvizheniia i subkul'tury Sankt-Peterburga (sotsiologicheskii i antropologicheskii analiz)*, edited by Vladimir Kostiushev. Saint Petersburg, Russia: Norma.
- Pramaggiore, Maria. 1996. "BI-ntroduction I: Epistemologies of the Fence." Pp. 1–7 in *Representing Bisexualities*, edited by Donald E. Hall and Maria Pramaggiore. New York: New York University Press.
- Rozhdestvenskaya, Elena. 2012. *Biograficheskii metod v sotsiologii*. Moscow: HSE Press.
- Rust, Paula C. 1995. *Bisexuality and the Challenge to Lesbian Politics: Sex, Loyalty, and Revolution*. New York: New York University Press.
- San Filippo, Maria. 2013. *The B Word: Bisexuality in Contemporary Film and Television*. Bloomington: Indiana University Press.

- Savoia, Paolo. 2010. "Sexual Science and Self-Narrative: Epistemology and Narrative Technologies of the Self between Krafft-Ebing and Freud." *History of the Human Sciences* 23(5):17–41. <https://doi.org/10.1177/0952695110375040>.
- Sedgwick, Eve K. 1990. *Epistemology of the Closet*. Berkeley: University of California Press.
- Soboleva, Irina, and Iaroslav Bakhmet'ev. 2014. "Menia kak budto vytolkali za vorota': Reaktsiia LGBT na zapret 'propagandy gomoseksualizma.'" *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki* 12(2):217–232.
- Stella, Francesca. 2015. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Storr, Merl, ed. 1999. *Bisexuality: A Critical Reader*. New York: Routledge.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2007. "Kategorizatsiia vzaimodeistvii: Konstruirovaniie gendernoi identichnosti v seksual'noi sfere." Pp. 250–265 in *Rossiiskii gendernyi poriadok: Sotsiologicheskii podkhod*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg, Russia: EUSP Press.